

**БОЛЬШИЕ ТАЙНЫ
МАЛЕНЬКИХ
ГОРЮДОВ**

**ТАТЬЯНА
СТЕПАНОВА**

Предсказание-End

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С79

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *С. Курбатова*

Издание осуществлено при содействии
«Литературного агентства Ольги Рубис»

Степанова, Татьяна Юрьевна.

С79 Предсказание-End : [роман] / Татьяна
Степанова. — Москва : Эксмо, 2024. — 352 с.

ISBN 978-5-04-204309-3

Нет, не идиллическая тишина царит над этим провинциальным городком. Скорее, затишье перед бурей. Тихо в домах, замер пустынный парк, в котором некогда маньяк растерзал девушку, а единственного свидетеля вскоре нашли повешенным на карусели. Тогда это дело сошло на нет, но все знают, кто преступник. И вот он вернулся... Прежние друзья не хотят его видеть, жители шарахаются от него. В первую же ночь жестоко убита девушка, потом еще одна... Волна ужаса катится по улицам, круша все на своем пути. Зловещий свет ночного пожара внезапно освещает истину. Истину, которая покруче самых страшных замыслов...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Степанова Т.Ю., 2024

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-204309-3

Если все вокруг верят во что-то, быть может, кажущееся пустым суеверием, то рано или поздно и у вас все равно возникнет искушение поверить в то, что все вокруг считают реальным.

*Майкл Крайтон.
«Пожиратели мертвых»*

Поцелуй же меня, Рафаэло!
Сериял «Голос сердца»

ГЛАВА 1

В ТЕМНОТЕ

По темной дороге, скупо освещенной редкими фонарями, ехала автомашина. В ней сидели трое — водитель и два пассажира.

— В общем и целом, дело теперь ясное, Илья Ильич, — сказал один пассажир другому. — Завтра с утра допрошу всех троих, предъявлю рабочее обвинение и — потом в суд за санкцией на арест.

— Сначала всех троих ко мне, Витек, — в голосе того, кого звали Ильей Ильичом, сквозила усталость и вместе с тем самодовольство. — Вместе с конвоем. Я до обеда на месте, так что вполне успеешь.

Тот, кого звали просто Витьком, с готовностью кивнул — он был «просто» следователем прокуратуры. А Илья Ильич Костоглазов — городским прокурором и его непосредственным начальством.

В поздний ночной час на прокурорской машине они возвращались из соседнего Успенского в ставший с некоторых пор для обоих родным и привычным Тихий Городок.

Именно так и звался испокон века этот город на берегу водохранилища. Тихий Городок.

Очень тихий, слишком, чересчур даже тихий городок...

Пелена облаков на темном небе. Ни луны, ни звезд.

Стена леса.

Вой собаки — за околицей деревни, неразличимой в ночи...

Эхо этого воя...

— Тьма-то какая вокруг, — поежившись, вздохнул водитель. — Воет, воет, проклятушая, кого хоронит, тварь? И вот сколько живу я тут, почти что полвека уже, а все тут у нас на дорогах темень, хоть глаз выколи. А дорога-то какая, а? А ведь почти что федеральная трасса. Иностранцев каждый день пачками на автобусах на экскурсию возят красоты наши смотреть. А как солнце зайдет, блин, не видно ни зги. А осенью — вечерами, зимой? Сушая Тьмутаракань. И никому годами дела до этого нет. Вот мэра нового избрали, Шубина, надеемся, может, хоть он нам фонарей от щедрот своих повесит.

Радио в машине, несмотря на глухой час, совершенно бодрым утренним голосом диктора вещало о «росте инвестиций» и о «приоритетных направлениях повышения рождаемости в рамках нового нацпроекта».

— Детей делать — милое ж дело, — хмыкнул водитель. — Кайф ведь сплошной один. Причем обоюдный, не так, что ль? И поди ж ты — не хотят. Даром не желают. Деньги им подавай. Ну один сплошной чистоган везде, куда ни кинь. Даже в койке семейной!

— Проблемы рождаемости актуальны для многих европейских стран. А что насчет дорог, здесь, я помню, всегда они были неважные, кривые были дороги. — Прокурор Костоглазов никогда не оставлял без ответа сентенций своего водителя. Устами шофера, по его мнению, говорил сам народ, глубинка. А народ, глубинку всякой власти, в том числе и стоящей на страже закона, стоит послушать. Так, для общего развития, для

информации, в смысле внутренней и внешней внутригородской, внутрирайонной политики.

— Дороги-то да, а вот таких преступлений никогда прежде не водилось, — водитель покачал головой. — Чтоб так вот среди ночи открыто приезжали на машинах, в дом вламывались, людей резали — этого нет, не было никогда, сколько живу.

— Это у них четвертый эпизод. Раньше как-то без крови обходились. Ну, налет и налет, связали хозяев, золотишко, деньги выгребли, но все же как-то удерживались от мокрухи, — охотно подхватил следователь. — А на этот раз не удержались. То ли нервы сдали, то ли побоялись, что их хозяева опознать смогут. И вот, пожалуйста — двойное убийство в ходе разбойного нападения. И хозяйку, и ее сынка — обоих положили. А я ведь сына-то знал. Точнее, не знал, а помню. Он в футбол здорово играл, молодежная команда вообще у нас сильная. А теперь вот нате — убили парня за пару золотых колец, за телевизор да за пачку «зеленых».

Следователь говорил об обстоятельствах дела, по которому они сутки безвылазно сидели в соседнем с Тихим Городком Успенском. Убийство в ходе разбойного нападения. Мертвых хозяев частного дома — мать и сына — нашли соседи. Милиция по следам ночного ограбления ввела план «Вулкан», и в ходе поиска трое подозреваемых были обнаружены в пустующем ангаре старого кирпичного завода. Ангар окружили, вызвали из областного центра подкрепление и ОМОН. Предложили подозреваемым сдаться. Те отказались и ответили выстрелами. На троих у них оказался обрез охотничьего ружья и спортивный пистолет, переделанный для боевой стрельбы.

В итоге задержание затянулось. Прокурор Илья Ильич Костоглазов, лично руководивший операцией совместно с милицейским начальством, трижды брался за мегафон, уговаривал подозреваемых сложить

оружие и прекратить бессмысленное сопротивление. Не уговорил.

А потом ОМОН пошел на штурм ангара. Вся операция заняла не более пяти минут. Слава богу, никто не пострадал, бандитов скрутили. Обыскали, тут же обнаружив вещи, похищенные с места убийства.

В общем, это было вполне рядовое, будничное дело, каких в практике прокурорской десятки и сотни, — убийство с целью ограбления, убийство по корыстным мотивам.

Прокурор Костоглазов вспомнил место происшествия — залитую солнцем и кровью террасу дома. Солнце било в чисто вымытые стекла, слепило глаза. А кровь была везде — под ногами на досках пола, на бревенчатых стенах. Даже на потолке — и туда долетели брызги. И на выцветшем шелке оранжевого абажура распустился кровавый цветок. Бандиты первым в упор застрелили из обрезка сына. Он лежал на террасе — две пули попали ему в голову, разворотив полчерепа. Мать его пыталась скрыться, спрятаться. Они дважды ранили ее — в живот и в спину. Потому-то и было столько крови по всему дому. А потом — тоже в упор, уже обессиленную, добила выстрелом в лицо.

Ба-бах!!! И только эхо отзывается в домах...

Неужели никто из соседей окрестных домов не слышал эха этой ночной бойни? Да наверняка слышали. И никто не прибежал на помощь с подручными средствами — с вилами и топорами, как в старину. А раньше-то бегали, чуть что — били на набат на высоких колокольнях монастырей, поднимая и весь Тихий Городок, и все окрестные посады и села. А теперь не бегут. Запирают крепче двери в домах. Погромче включают телевизор. Прокурор Костоглазов брезгливо поморщился. Какие же все-таки люди... А что же раньше-то, другие были? Наверное, другие. Иные. Впрочем, как выяснилось из подомового обхода и опроса свидетелей, затеянного милицией, покойных мать

и сына особо не жаловали и не любили в Успенском. А почему? Да, кажется, только по одной-единственной причине, что они сумели как-то встать на ноги, выбиться из общей удручающей деревенской нищеты, взяв в банке кредит, приобрели сначала одну, потом еще две продуктовые палатки, отремонтировали, отстроили дом, воздвигли высокий забор, отгораживаясь от соседей, купили подержанную иномарку.

Но вот забор не уберег. И набат не ударил. И соседи не прибежали на помощь. «Они — Надька-то с сыном — гордые стали, как забогатели, раскрутились, такие, страсть, гордые. А как за границу отдыхать съездили в этот самый свой Кипр, так и вообще. Словно они — пуп земли, а мы-то для них — так, грязь под ногами, — жаловалась одна из опрашиваемых соседок. — Но вот и догордились. Бог-то — он шельму метит...»

Ба-бах! И только эхо...

Неужели это и есть Промысел Божий? Илья Ильич Костоглазов был не силен в этом вопросе. Об этом — о Промысле — лучше бы спросить друга его юности Ивана Самолетова, разом вдруг ударившегося в православие. Но свое дело, свою работу прокурор знал хорошо.

— Хорошо...

— Что хорошо, Витек?

— Да хорошо, Илья Ильич, что взяли их, этих сукиных сынов. — Следователь покачал головой, глядя в темное окно машины. — А то бы наделали они еще дел тут у нас. Кровь — она такая, ее только раз пусти, потом уж и не остановишься. Захочешь, а не сможешь. И так на них уже четыре эпизода с налетом, а было бы еще, да еще трупы. А сколько у нас сейчас домов-то таких понастроено в округе, которые их привлекали? Коттеджей, дач? Полно. Вот бы и влямывались к тем, кто сопротивление не окажет. Вот, например, ваша жена Марина Андреевна...

— При чем тут Марина Андреевна? — подозрительно спросил Илья Ильич.

— Ну как же, вы сутками на работе, а она одна в доме. И собаки у вас нет сторожевой. Одна с мальчиком.

— Наш сын в лагере в Венгрии, английский язык изучает.

— Тем более одна. Да еще в такой-то темноте...

Илья Ильич вздернул подбородок. Лицо его стало замкнутым, по нему гримасой промелькнуло раздражение. Какое, к черту, дело этому мудаку до его жены? Или он что-то знает? Может, в Тихом Городке об их с женой отношениях уже циркулируют пошлые слухи?

— Хуже нет по нынешним временам, когда женщина целый день одна в пустом доме, — поддакнул и водитель. — Не ровен час...

За окном машины мелькнули огни. Прокурор вздрогнул — слишком уж неожиданно, ярко. Точно вражеский прожектор полоснул по глазам. А там, откуда он едет, в Успенском, произошло пусть и тяжкое, но все же вполне обычное преступление. Банальнейший разбой с убийством. И это, слава богу, не имеет никакого отношения к тому, что с некоторых пор происходит в родном для него Тихом Городке.

Эти слухи... Эти чертовы слухи... Множащиеся, как гниды какие-то, совершенно первобытные допотопные суеверия, место которым скорей на страницах медицинских карт психдиспансера, а не в умах взрослых нормальных людей. Мрачные сказки, пересказываемые из уст в уста, от семьи к семье, от дома к дому, — извращенная реальность, обернувшаяся сущим кошмаром. Хорошо еще, что этот разбой с двойным убийством произошел в Успенском, а то и его бы тут же записали в архив этой всеобщей паранойи, которой вот уже сколько лет, как вирусом, заражен город. И поделаться с этим, кажется, ничего невозможно. Да, он прокурор, и он знает свою работу. Но эти слухи,

все эти суеверные бредни — они настолько вне рамок правовой системы и...

А собака-то все воет и воет. И как такое возможно? Ведь они уже давно проехали ту деревню, ту околицу. А вой все слышен. Что ж это их тут, в этой тьме, целая стая? Или это ветер воет, свистит? За окном в ночи вновь мелькнули огни. Нет, это огни не его дома. До его дома еще ехать и ехать, плыть и плыть, лететь и лететь...

Но летают только во сне, а он не спал. Возвращался с работы — с места происшествия, с задержания опасных вооруженных преступников, полный азарта, удовлетворения и смешанного чувства превосходства и брезгливости. Да, да — именно брезгливости. И к тем кровавым лужам на дощатом полу на месте убийства, и к вывороченному хаосу разграбленного чужого дома, к тем самым трусам-соседям, не пришедшим на помощь, и к местной милиции — по-деревенски настырной, но ужасно бестолковой, провинциальной. И к тем суеверным бредням, которые на этот раз, к счастью, так и не получают новой пищи для городских пересудов, круто замешенных на страхе и невысказанном тупом подозрении.

Ах ты, черт, то ли дело в Москве, когда он еще был в штате отдела Генеральной прокуратуры...

Оттуда — из Москвы — все происходящее в Тихом Городке, да и сам он кажутся сплошным миражом.

Огни вспыхнули и погасли, затопив темнотой.

А в Тихом Городке за несколько километров отсюда в доме прокурора все окна были темны. Дом был новый, недавно построенный, из силикатного кирпича, просторный, но относительно небольшой — два этажа и рядом гараж-пристройка. Наверху, в мансарде, располагалась спальня. Почти всю ее занимала широкая супружеская кровать немного неуклюжего вида — производства одной из местных мебельных фаб-

рик. Окно по случаю летнего вечера было приоткрыто. Синяя шелковая штора чуть колыхалась от ветра.

Рядом с кроватью на коврик валялись газеты — «Аргументы и факты», «Известия» и старый журнал «Караван историй». И ночник давно был потушен. Сбив, скомкав простыню к ногам, на краю кровати лежала женщина в розовой ночной рубашке. Темные густые волосы рассыпались по подушке. Когда-то, ах как это было давно — еще в Москве — и вроде бы совсем недавно, эти темные душистые волосы сводили Илью Ильича Костоглазова с ума, заставляя даже забывать о работе, о командировках на периферию и о внеплановых прокурорских проверках. Сводило с ума и само имя — Марина, что значит Морская, ускользающая, бегущая по волнам.

Марина Андреевна — жена прокурора — была одна в своей спальне, в своей постели в эту душную летнюю ночь. В то самое время, когда муж ее мчался по разбитой, плохо освещенной дороге с очередного места происшествия, она...

Ей мнилось, что она не спала. Вернее — что только что, мгновение назад, проснулась по какой-то непонятной пугающей причине.

От странного звука.

Что это было? Шорох? Стук ветки в окно от порыва ветра? Легкое царапанье по стеклу снаружи, словно кто-то вслепую ощупывал стеклянную преграду стекла, пробуя ее на прочность? Эхо далекого собачьего, волчьего воя — один зверь позвал, другой ответил: доброй охоты!

В спальне из-за задернутой шторы было совсем темно. Но казалось, что в этой кромешной темноте все предметы отбрасывают еще более густые, чем сама темнота, тени. Марина Андреевна, чувствуя в сердце необъяснимую тревогу, лежала на кровати, вжавшись в матрац. Тень от платяного шкафа, тень от туалетного комодика с зеркалом. Тень от окна. Но разве окно

может отбрасывать тень? И почему так страшно? Господи, отчего же так страшно ей здесь?

Вой — тоскливый и грозный, переходящий в гор-
танный клокочущий рык.

Доброй охоты! Спокойной ночи, *надаль!* Если до-
живешь...

Черный сгусток отделился от ночной темноты и
застыл на мгновение. А потом двинулся от окна через
комнату к кровати.

Марина Андреевна хотела закричать и не смогла.
Хотела вскочить и не сумела пошевелиться. Она уви-
дела — ясно и совершенно отчетливо — круг, который
до этого видела не раз и не два. Круг, очерченный бе-
лым маркером на черном ватмане. Этот круг, медлен-
но вращаясь, плыл по воздуху, словно медуза. На пол
с него стекали, соскальзывали белые капли, похожие
на слизь. Но нет, это были не капли, а начерченные
мелом буквы — АБВГДЧЩ... Словно перепутанная,
перемешанная азбука, чертова азбука. Черный круг,
словно парашют, накрывал собой все: комнату, по-
стель, ее саму, обездвиженную и безгласную, словно
парашют. Словно чьи-то огромные траурные крылья.

Ей показалось, что вот еще мгновение — и она за-
дохнется, лишенная воздуха в их складках: темнота
была осязаемой. Как вязкий клей, как тягучая черная
плоть она заливала собой воздух, лишая летнюю ночь
кислорода. А перед глазами, как сумасшедший вол-
чок, вертелось, кружилось, вращалось, вращалось,
вращалось белое блюдце. Такое до боли знакомое — с
золотой каймой.

И вот, как будто завод кончился, блюдце разом ос-
тановило свое вращение и грохнулось вниз. Осколки,
острые, как бритва, разлетелись по комнате. Черное
удушье отступило. Жадно дыша, хватая ртом воздух,
Марина Андреевна рванулась с подушек и увидела...

Нет, она не могла *это* видеть в своем доме.

Тяжелые складки черной мантии. А может, кры-

ля, отливающие вороненой сталью. Нет, кожистая перепонка, вся в шрамах и трещинах. Огромные когтистые лапы — лапы ящера — и туловище гигантской птицы. Крылья, пугающие своей чернотой и бронированной тяжестью и одновременно мягкие, невесомые, как шелк. И — профиль на фоне темного зашторенного окна. Глаза, сверкающие в ночи темным нездешним огнем. Обжигающим сердце. Но это лишь на миг, на короткое мгновение: человеческие черты, призрачное, сказочно прекрасное их подобие. А потом...

Она увидела — она увидела ясно и отчетливо: могучие лапы с кривыми острыми когтями крепко и жадно держали добычу — голое окровавленное тело, истерзанное, изуродованное до неузнаваемости. Прядь волос, рот, перекошенный в отчаянном немом крике ужаса и муки. Когти вонзились глубже, словно выжимая, выдавливая из вен и артерий последнюю кровь. Призрачный профиль склонился. Тень от длинных прекрасных ресниц на щеке. Тень улыбки...

И внезапно все черты смешались, слились, смялись, оскалились, ощерились, и человеческое подобие — тень этого подобия — исчезло. Гигантский клюв, словно тесак, вонзился в добычу, раздирая живую плоть. Отрывая окровавленные куски мяса, дымящиеся сизые внутренности. Марина Андреевна слышала хруст ломаемых костей и дикий вопль боли. Смертный вопль. Черные крылья вздыбились, как гора, клюв разверзся — это был уже не клюв птицы, а пасть хищника. Чудовище, словно капкан, сомкнуло клыки на горле добычи. Марина Андреевна видела, как дергаются руки и ноги жертвы в последней агонии.

Она отпрянула назад, упала с кровати и...

Ей показалось, что она падает целую вечность, вращаясь и переворачиваясь в пустоте, в темноте, как то фарфоровое белое блюдце. Поганое блюдце с золотой каймой.

Удар оглушил ее. И она открыла глаза. Ночь. Тьма.

Стук крови в висках. Она в своей собственной спальне. В супружеской постели.

И странный звук — шум, шорох. Тот самый?! Внутри, в доме? Нет, нет, кажется, снаружи...

Внизу у входной двери кто-то возился с замками. Потом начал громко стучать.

Марина Андреевна медленно села на кровати. «Аргументы и факты», «Известия» — тут на полу на ковре. Осколки блюда — их не видно. Брызги крови, следы ужасных когтей — ничего этого тоже нет.

Значит, все это ей приснилось? Это был только сон. Ну, конечно же... боже...

Свет фар остановившейся у калитки машины. Мужские голоса.

— Езжайте, спокойной ночи. Жена сейчас мне открывает, наверное, заснула, не слышит, — голос ее мужа Ильи Ильича.

— Ничего-ничего, мы подождем, посветим вам, — в ответ голос кого-то из его сотрудников.

Марина Андреевна накинула халат и пошла вниз — открывать. Ложась спать, она заперлась изнутри на задвижку.

Зажгла внизу свет, открыла дверь. Увидела мужа. Серый костюм. Хмурый взгляд. Раздраженное, брюзгливое выражение и усталость на лице.

— Что, звонок так и не работает до сих пор? Мастера вызвать так и не удосужилась? — стараясь, чтобы его не услышали на улице в машине, сквозь зубы вместо «доброй вечер» процедил Илья Ильич. Выглянул из двери, бодро помахал на прощание: — Езжайте, все нормально! — Войдя, швырнул на ящик для обуви кожаную папку с бумагами, ослабил узел галстука, снял пиджак.

— Мастера так и не вызвала, — повторил он.

— Я звонила, он обещал прийти завтра.

— А звонок не работает сегодня, я полночи в дверь барабаню, домой попасть не могу. — Илья Ильич ог-

лядел жену с ног до головы, отвернулся, проходя в гостиную, пальцем провел по полированной поверхности стола, подернутой пылью.

— И даже дома не убралась!

— Я с холодильником возилась, Илья. Он течет.

— Что? — Илья Ильич обернулся. — Что ты лжешь, холодильник абсолютно новый. Да и что там с ним заниматься? Вечно ты лжешь, бездельница. Сына в лагерь чужим людям спланировала, а сама... Ведь не делаешь же дома целыми днями ни черта! Без-ззз-дельница! Дармоедка!

Марина Андреевна слушала мужа молча. В другое время она бы не оставила без ответа ни одну из его гневных реплик. И, несмотря на поздний час, затеяла бы скандал. Но сейчас... Ей было страшно. Сон... Конечно же, это был сон, а то что же еще... Но этот сон был так свеж, почти осязаем в ее памяти.

— Пожрать-то у нас хоть что-нибудь найдется? — спросил Илья Ильич.

Марина Андреевна кивнула и поспешила на кухню. Первое, что она увидела там, включив свет, — это белое фарфоровое блюдце с золотой каймой. Краешек его был отбит.

ГЛАВА 2

ФОМА

Желтый сухой лист в зените лета, плавно скользящий с зеленой вершины прямо вам под ноги, — нота печали в симфонии радости, первый знак далекой пока еще, скрытой где-то там за летними горами, за июльскими облаками осени. Предвестник серых дождей и холодного ненастья. А быть может, и бурь, о которых не хочется даже думать, разомлев, рассиропившись от лени на террасе кафе.

Сергей Мещерский смотрел на желтый лист, единственный в своем роде, упавший с небес и приклеившийся к влажному, только что обильно политому уборочной машиной парижскому тротуару. Листок, утлый осенний кораблик, как ты неуместен на этом чистом тротуаре, на этом празднике жизни по имени Париж!

Мещерский сидел на террасе «Кафе де Пари» на бульваре Итальянцев. Всего час назад он вернулся из двухдневной поездки в Брюссель по делам своей туристической фирмы «Столичный географический клуб». Был самый конец июля. И сколько же всего случилось за это лето. Москва, Прага, Нивецкий замок — краса и гордость Закарпатья, и затем снова Москва. Друг детства Вадим Кравченко и его жена Катя...

На море житейском сезон штормов постепенно сменился благостным штилем. И Мещерский был этому безмерно рад. Друг детства, его жена, Вадим, Катя, их жизнь, их семья, их отношения, ссоры и примирения, разлуки и встречи... Он любил их обоих, честное благородное — любил, как самых близких и дорогих людей, но...

Катя... Что скрывать, в ходе последней ее ссоры и разлуки с мужем, с другом детства Вадькой, у Мещерского где-то в глубине, на самом доньшке сердечном возникли, как фантом, смутные надежды. А вдруг? А может быть? Друг детства Вадик, сверкая гневно глазами, недаром ведь раз пять или шесть в присутствии Мещерского заводил речь о разводе.

А потом была Прага и замок в Карпатах. Эту поездку они с Кравченко, наверное, не забудут никогда. А затем было возвращение домой и...

Все разговоры о разводе и все фантомы надежд — все это оказалось таким вздором. Муж и жена, Кравченко и Катя, были снова вместе. А он, Мещерский... Честное благородное, он был рад их полному прими-

рению и семейному счастью. Он был адски рад. Так рад, что...

Отчего-то вдруг захотелось сбежать куда глаза глядят, чтобы не видеть, не наблюдать этого самого — он и она, муж и жена, снова одна счастливая сатана.

Но первыми сбежали, точнее, просто отправились отдыхать вдвоем — Кравченко и Катя. Мещерский стоически преданно проводил их в Шереметьево. Рейс Москва — Корфу. Солнечный греческий остров в Средиземном море. Приют влюбленных.

А людям одиноким, холостым, таким, как Мещерский... Что ж, им оставалось только или вкалывать в поте лица, зарабатывать деньги, или же очертя голову по старой русской забубенной традиции наострять лыжи в Париж.

Мещерский, как истый прагматик, решил совместить вкалывание-зарабатывание с Парижем. Дела фирмы «Столичный географический клуб», совладельцем которой он был, в этот год шли, увы, не блестяще. Отлучка в Прагу и в Карпаты в начале высокого сезона обошлась Мещерскому довольно дорого. А тут еще, как назло, один из его компаньонов, прыгая с парашютом в составе группы туристов-экстремалов, сломал ногу. Всего компаньонов — совладельцев фирмы было трое. Помимо сломавшего ногу и самого Мещерского, был еще один — Фома Черкасс. Он курировал так называемый «европейский куст» — поддерживал связи с туристическими агентствами и бюро Франции, Бельгии и Германии, отправлявшими в Россию группы путешественников, повернутых на экстремальных видах спорта и так называемом экотуризме.

Фома был не только компаньоном, но и давним другом Мещерского. Не таким близким, своим в доску, как Кравченко, но все же больше, чем просто хорошим знакомым. К туристическому бизнесу Фома имел прирожденный талант. В светлые свои периоды он буквально горел на работе, заводил полезные связи

и знакомства, налаживал контакты, занимался рекламой, изучал спрос, разрабатывал новые туристические маршруты, и какие маршруты — пальчики оближешь, для совершенно невозможных, неадекватных, помешанных на риске экстремалов — всех этих бесчисленных дайверов, спелеологов, парашютистов, членов военно-исторических клубов, скаутов, альпинистов, прыгунов, пловцов, велосипедистов, конников и прочих.

Из Франции и Бельгии с его легкой руки туристы ехали не только в Москву и Питер, но и в российскую благословенную провинцию — на Волгу, в тульские и костромские деревеньки, на Урал, в Сибирь, на Байкал, на остров Ольхон, на Камчатку. А наши тем временем высаживались с экоэкспедициями где-нибудь на Андаманских островах или же на острове Ява, пыlili на джипах, распугивая львов и гиен, в национальном парке Цаво или же кормили крокодилов цыплятами на частной ферме в окрестностях Куала-Лумпура.

В общем, Фома умел устраивать туристический бум и бурлеск, умел делать деньги и создавать настроение. Но это все в светлые свои периоды. А кроме светлых, увы, у него бывали и темные. И тогда...

В прошлый такой период, например, они из Парижа в Брюссель отправились вместе. Подвернулся весьма выгодный контракт с бельгийской туристической спелеологической ассоциацией, который надо было застолбить. Спроворил этот самый контракт именно Фома.

Рванули они в Брюссель не на скоростном поезде, а на микроавтобусе вместе с коллегами — сотрудниками парижского туристического офиса. Пути всего четыре часа, но не успели отъехать и полкилометра, как Фома, предчувствуя окончание своего светлого периода, уже извлек из дорожной сумки огромную подарочную бутылку водки «Смирнофф». Под удивленными взглядами коллег-французов он открыл ее и...

— Мсье, раз уж мы катим в этот ваш Брюссель, на сухую, неподдадим ехать — плохая примета. Контракт на сухую не пойдет.

К изумлению Мещерского, коллеги-французы быстро с этим провокационным доводом согласились. Появились пластиковые стакашки. Водитель микроавтобуса поглядывал в зеркало на своих пассажиров и только улыбался, подлец.

— У нас в генах это, в наших русских генах гвоздем, занозой это сидит, ты пойми, Поль, — внушал через полчаса пути румяный, разгоряченный Фома коллеге-французу, что там румяному — сизому, как баклажан. — Огромные просторы, глушь, сотни километров, тысячи верст. И где-нибудь по снежной целине, ты только представь себе это, Поль, мчатся сани... Или нет — птица-тройка... Эх, залетные! Эй, ямщик, не гони лошадей! А расстояния, какие расстояния — мама ты моя, вам тут это даже и не снилось. Пурга, метель, не знаешь — доедешь живым или замерзнешь, сдохнешь в пути. А тут как раз палочка-выручалочка твоя — фляжка. Выпил водки — ожил, все в тебе сразу воспрянуло, засверкало, заторчало. Это в генах наших, слышишь ты, француз, сука наполеоновская, — раз русские едут куда-то, хоть в этот ваш Брюссель, в логово НАТО, так должны, обязаны пить!

За первой бутылкой появилась вторая. Потом еще бутылка шотландского виски. В результате в «НАТО» все же въехали, но какие!

Вывалившись из микроавтобуса у дома-Атома — этой весьма нелепой достопримечательности Брюсселя, Фома, уже начавший входить в штопор, пожелал сфотографироваться, хотя видел этот Атом, наверное, раз уж в двадцатый. Был ветреный мартовский день. Вокруг дома-Атома шли какие-то ползучие ремонтные работы — везде громоздились груды снятого асфальта и гравия. Прохожие с растерянностью взирали на горластого яппи без пальто и пиджака, в одной